

В МИРЕ
ИСКУССТВ

ЯВЛЕНИЕ МУЗЫКИ

ЛЕТ ТРИДЦАТЬ назад мне приходилось встречаться с Софьей Васильевной Шостакович. Сдержанно, с материнской гордостью рассказывала она о детских и юношеских годах сына, о том, каким он был всегда ласковым и внимательным к ней, как рано ему пришлось зарабатывать на жизнь семьи...

Среди прочих, Софья Васильевна вспомнила такой эпизод.

— И вот однажды, — рассказывала мне Софья Васильевна, — Митя увидел необычный сон. Снилось ему, что уже назначен день премьеры его оперы, и он должен присутствовать в театре на генеральной репетиции спектакля. Но как назло, Митя, человек аккуратный и пунктуальный с юношеских лет, почему-то опаздывает в театр. В сильном волнении, предвидя справедливые наказания Самосуда, — «Вот и на репетицию опаздывает», — Митя торопится в театр, он едет в трамвае, автобусе, но всюду происходят неожиданные задержки. Наконец — театр. Молодой автор бегом пересекает площадь, вбегает в вестибюль, в зрительный зал и в

Дело было в 1929 году. Ленинградским Малым оперным театром руководил тогда замечательный дирижер Самуил Абрамович Самосуд. Умный и чуткий музыкант, он широко привлекал к работе в театре молодых композиторов. Особенно внимательно Самосуд относился к творчеству юног, но уже известного своими тремя симфониями Дмитрия Шостаковича. Главный дири-

удивлении застывает в последних рядах партера. На сцене уже идет третий акт спектакля. Самосуд дирижирует оркестром, и автор явственно слышит музыку последнего акта оперы, видит и слышит хор, певцов... Спектакль закончен, закрывается занавес, в зале раздаются аплодисменты, публика вызывает на сцену автора, дирижера, артистов...

Молодой композитор просыпается в необычайном возбуждении. Он бежит к матери, рассказывает о только что слышанной музыке третьего акта «Носа», которую ему никак не удавалось написать. А затем садится за рояль...

Через несколько дней Шостакович приходит в театр и

жерж заказал композитору музыке к опере «Нос» по повести Гоголя.

В сравнительно короткий срок Шостакович написал музыку первых двух актов оперы. Но третий, финальный, акт никак не ладился. Сроки сдачи оперы истекли, Самосуд сердился, ругал «этих молодых, неаккуратных, рано зазнавшихся композиторов», обвинял их в нерадивости и неизменно приводил давно известные примеры о том, как быстро, вовремя и главное хорошо писали свои произведения великие композиторы прошлого.

Колкие упреки Самосуда еще больше взвинчивали Шостаковича и отнюдь не способствовали завершению работы.

передает Самосуду клавиш третьего акта.

Вернувшись от Софьи Васильевны домой, я немедленно записал ее рассказ. Впоследствии во время встреч с Дмитрием Дмитриевичем я собирался узнать у него подробности этой истории. Но, как всегда, беседы с композитором бывали настолько интересными и увлекательными, затрагивали массу совершенно неожиданно возникающих тем, что я как-то упускал спросить об этом сне.

Летом прошлого года я снова побывал у Дмитрия Дмитриевича. Мы говорили о его новых работах, вспоминали С. А. Самосуда. Композитор рассказывал о его творческой одержи-

мости, о том, как он заботливо пестовал молодых авторов, работал с ними.

— Да, это был великолепный учитель и музыкант, превосходный дирижер, — говорил Дмитрий Дмитриевич. — Как никто другой, Самосуд был преисполнен множества идей, творчески загорался сам и умел зажечь молодежь. Самосуд был негласным соавтором и сотворцом молодых композиторов. И мы многим обязаны ему. В те годы Ленинградский Малый оперный театр открыл немало впоследствии известных талантов.

И тут я напомнил Дмитрию Дмитриевичу рассказ Софьи Васильевны.

— Мама верно все рассказа-

ла вам. Так оно и было.

О рассказе Софьи Васильевны Шостакович я вспомнил, прочитав интересную книгу профессора А. М. Вейна «Бодрирование и сон», вышедшую в издательстве «Наука». Автор приводит сведения о том, как во сне «услышали» мелодии своих будущих творений многие прославленные композиторы, как во сне рождались знаменитые поэтические произведения.

Мих. ДОЛГОПОЛОВ.